

Е.Н.Трубецкой

**Социальная утопия
Платона**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Т11

Трубецкой Е.Н.
Т11 Социальная утопия Платона / Е.Н.Трубецкой – М.: Книга по Требованию, 2013. – 118 с.

ISBN 978-5-458-05673-1

Е. Н. Трубецкой посвящает свою работу философу В. С. Соловьеву, в творчестве которого Платон сыграл значительную роль: их объединяло страстное желание создать проект идеального государства и воплотить его при своей жизни; они верили в здравый смысл современников, которые, удивившись в разумности проекта, добровольно возьмутся за его осуществление. В центре внимания Трубецкого – личность Платона и, прежде всего, социальная утопия как менее исследованная и оцененная Соловьевым, однако лучше всего объясняющая жизненную драму русской интеллигенции, с ее бесплодными попытками установления «царства правды», истинного строя. Так как попытки переустроить Россию, да и весь мир, не прекращаются и сегодня, то и современному поколению интеллектуалов будет полезным перечитать этот труд философа.

ISBN 978-5-458-05673-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее изслѣдованіе само собою связывается для меня съ памятью о дорогомъ усопшемъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни В. С. Соловьевъ былъ занятъ русскимъ переводомъ Платона, который, къ сожалѣнію, остался неоконченнымъ. Этотъ переводъ, по его собственному признанію, не былъ для него дѣломъ случайнымъ или побочнымъ.

«Съ нарастаніемъ жизненнаго опыта», говоритъ онъ, «безъ всякой перемѣны въ существѣ моихъ убѣжденій, я все болѣе и болѣе сталъ сомнѣваться въ исполнимости и полѣзности тѣхъ внѣшнихъ замысловъ, которымъ были посвящены такъ называемые мои «лучшіе годы». Разочароваться въ этомъ—значило вернуться къ философскимъ занятіямъ, которыя за это время оставались для меня на заднемъ планѣ». (Предисловіе къ I т. Платона).

Соловьевъ мечталъ объ осуществленіи «божескаго царства» на землѣ; онъ наткнулся на ту же грань между двумя мірами, о которую, за двадцать два съ половиной столѣтія раньше, разбились условія Платона, преслѣдовавшаго ту же задачу. Этимъ обусловилась для него та потребность въ новомъ теоретическомъ углубленіи, которая связалась съ задуманнымъ имъ переводомъ трудовъ Платона.

Послѣ кончины Соловьева уже не одинокій мыслитель, а все русское общество было охвачено благороднымъ порывомъ — осуществить на землѣ царство правды. Наши усилія разбились о невидимыя препятствія. И послѣ пережитаго крушенія въ душѣ зарождается непреодолимая цотребность — осмыслить нашъ историческій путь, подняться вмѣстѣ съ Соловьевымъ и Платономъ въ горнюю сферу «вѣчныхъ формъ истиннаго и прекраснаго, туда, гдѣ передъ духовнымъ взоромъ снимается грань между двумя мірами, гдѣ умозрѣніе предвосхищаетъ — сущій идеаль долженствующаго, достойнаго быть». Тамъ мы найдемъ бодрость и силу — продолжать нашъ жизненный путь.

Сказаннаго достаточно для оправданія моеѣ темы и моего посвященія. Изъ всѣхъ продуктовъ творчества Платона я останавливаюсь на его соціальной утопіи. Я дѣлаю это во-первыхъ потому, что именно она осталась всего менѣе изслѣдованною и оцѣненною моимъ русскимъ предшественникомъ. Во-вторыхъ, именно она всего лучше объясняетъ намъ какъ его, такъ и нашу жизненную драму.

Соціальная утопія Платона.

Въ знаменитомъ діалогѣ „Пиръ“ Платона, одинъ изъ собесѣдниковъ—Алкивіадъ яркими штрихами описываетъ двойственное впечатлѣніе, производимое обликомъ Сократа.

Онъ чрезвычайно похожъ на тѣхъ Силеновъ, коихъ скульпторы изображаютъ съ флейтой или лудкой пастуха въ рукахъ. Если разсѣчь пополамъ эту статуетку, окажется, что она содержитъ въ себѣ образы боговъ. Съ виду Сократъ представляется ничего не знающимъ и не понимающимъ. Когда же раскрывается его внутренній міръ, онъ оказывается преисполненнымъ чудными образами. Я не знаю, говоритъ Алкивіадъ, видалъ ли кто когда-нибудь эти образы. „Мнѣ удалось увидѣть ихъ однажды: они показались мнѣ до того божественными, драгоцѣнными, прекрасными и дивными, что я безъ колебанія рѣшилъ дѣлать все, что прикажетъ Сократъ“. Такое же точно силенообразное впечатлѣніе производятъ и бесѣды философа: „съ перваго взгляда онѣ кажутся смѣшными: слова и рѣчи своею внѣшностью напоминаютъ дразнящаго сатира“. Онъ говоритъ о самыхъ обыденныхъ предметахъ—вьючныхъ ослахъ, кузнецахъ, сапожникахъ и какъ будто повторяетъ въ тѣхъ же выраженіяхъ одно и то же. Поверхностному или непосвященному слушателю все это можетъ показаться смѣшнымъ и жалкимъ. Если же вникнуть въ смыслъ тѣхъ рѣчей, окажется, что изъ всего сказаннаго людьми онѣ однѣ преисполнены глубокаго и божественнаго смысла¹⁾.

¹⁾ Convivium, 215, 216, 221, 222.

Весьма близкое къ этому впечатлѣніе производить на насъ, людей XX вѣка, ученіе самого Платона, въ особенности его знаменитый діалогъ—„Политія“ (о государственномъ устройствѣ.) Здѣсь также есть что-то такое, что отталкиваетъ, и что-то другое, что неудержимо влечетъ къ себѣ. Передъ нами проходятъ наскучившіе еще со школьной скамьи, *чуждые* намъ образы классической древности. Мы слышимъ пространныя разсужденія о порядкахъ и не порядкахъ греческаго государства-города, о его образахъ правленія и борьбѣ партій, о гимнастическихъ упражненіяхъ обнаженныхъ юношей на площадяхъ и о наилучшемъ музыкальномъ образованіи гражданина-воина. Наконецъ, мы знакомимся съ соціальною утопіей самого Платона, съ этой неудачной попыткой построить наилучшее общежитіе изъ явно негоднаго греческаго матеріала.

Казалось бы, какой интересъ все это можетъ представлять для насъ? Между тѣмъ, если мы можемъ анализа разсѣчь эту античную форму, мы увидимъ, что она полна божественныхъ образовъ. За этой чуждой намъ оболочкою греческаго государства-города мы откроемъ тотъ общечеловѣческій, всемірно-историческій смыслъ, который высоко подниметъ насъ не только надъ обыденщиной древности, но и надъ нашей современной дѣйствительностью.

Платонъ искалъ тотъ смыслъ человѣческой жизни, ту конечную ея цѣль, которая всегда и вездѣ одна и та же. Ему удалось возвыситься надъ временемъ, приподнять ту завѣсу, которая заслоняетъ отъ насъ вѣчность. Вотъ почему его крыленное слово получило способность перелетать въ отдаленныя эпохи; вотъ почему и теперь на разстояніи вѣковъ его мысль продолжаетъ волновать и захватывать насъ, какъ родная намъ, близкая.

Отвѣтивъ на вопросъ о смыслѣ жизни, Платонъ не могъ не попытаться воплотить этотъ смыслъ въ современной ему дѣйствительности. Найдя безусловную, высшую цѣнность, онъ совершенно послѣдовательно захотѣлъ подчинить ей всѣ человѣческія цѣнности. Отсюда — его соціальная уто-

пія, его попытка коренного преобразованія человѣческаго общежитія. Онъ понялъ, что въ частности цѣнность государства заключается въ служеніи той цѣли, ради которой вообще стоитъ жить. Ему открылось, что правда должна быть одна и также какъ въ личной, такъ и въ общественной жизни человѣка. Но задача преобразованія всей человѣческой жизни оказалась ему не по силамъ. Онъ попытался влить вино новое въ мѣхи ветхіе, вмѣстить безусловную правду въ узкія національныя рамки греческаго государства, которыя не могли ее въ себѣ вмѣстить. Отсюда тотъ временный, историческій наростъ, который дѣлаетъ утопію Платона намъ чуждою, мало понятною.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы попытаемся отдѣлать общечеловѣческое зерно соціального идеала Платона отъ его исторической скорлупы, провести грань между тѣмъ внутреннимъ его содержаніемъ, которое влечетъ къ себѣ, и той внѣшностью, которая отталкиваетъ. Для этого намъ нужно прежде всего проникнуть въ ученіе философа о смыслѣ жизни.

I.

Смыслъ жизни.

Этотъ смыслъ заключается въ осуществленіи божескаго начала въ человѣкѣ, въ достиженіи человѣкомъ той прекрасной, благой, нетлѣнной формы существованія, надъ которой не властны смерть и время. Безсмертіе, какъ увѣковѣченіе человѣка въ Богѣ, вотъ та конечная цѣль и великая надежда, ради которой надлежитъ дѣлать все то, что мы дѣлаемъ. Она составляетъ необходимое, неустрашимое предположеніе всей нашей жизни. Посмотримъ, какъ философъ обосновываетъ этотъ тезисъ.

Комментаторами и историками Платона уже давно отмѣчено ¹⁾, что всѣ доказательства безсмертія души у него сводятся въ сущности къ одному. Душа по самому своему

¹⁾ См. напр. *Zeller*, Die Philosophie d. Griechen B. II, 1 Abth. 697 (2 Aufl.).

существо и *понятію* неразрывно связана съ идеей жизни, неотдѣлима отъ нея. Она есть то, что одухотворяетъ, содѣлываетъ живымъ самое тѣло: иначе говоря, она — *начало жизни*: ясно, что она не можетъ умереть. По самой своей природѣ она такъ же несовмѣстима со смертію, какъ и идея жизни¹⁾.

Повидимому, мы имѣемъ тутъ заключеніе отъ присущей душѣ *идеи* безсмертія къ дѣйствительному безсмертію, — то самое онтологическое доказательство, несостоятельность коего теперь общепризнана. Однако, на самомъ дѣлѣ, разсужденіе Платона заключаетъ въ себѣ болѣе глубокій смыслъ. Безсмертіе составляетъ необходимый *метафизическій постулатъ* всей нашей жизни какъ духовной, такъ и тѣлесной: это — то, чѣмъ мы живемъ и движемся.

Отъ Платона не укрылся тотъ фактъ, что жизненный процессъ слагается изъ безпрестанно смѣняющихся другъ друга актовъ смерти и рожденія: это то самое, что на современномъ языкѣ называется смѣною траты и возобновленія. „Смертное существо сохраняетъ свое существованіе не тѣмъ, что оно пребываетъ въ неизмѣнномъ состояніи подобно божествамъ, а тѣмъ, что старѣющее, исчезающее оставляетъ по себѣ другое, юное и подобное себѣ“. „Смертная природа стремится пребывать вѣчно и быть, насколько возможно, безсмертною. Но это доступно ей лишь черезъ актъ рожденія, потому что этотъ актъ всегда вызываетъ къ жизни нѣчто молодое на мѣсто стараго“.

Этотъ процессъ наблюдается въ жизни каждого живущаго индивида. О живомъ существѣ мы говоримъ, что, пока оно живетъ, оно отъ младенчества и до старости остается однимъ и тѣмъ же. Между тѣмъ, весь составъ его тѣла непрерывно мѣняется: волосы, кровь, плоть и кости, все это исчезаетъ и восстанавливается. То же и въ духовной жизни человѣка: наши нравы, мнѣнія, желанія, радости,

¹⁾ Phaedo, 105.

скорби и страхи,—все это никогда не остается тѣмъ же: одно нарождается, другое отмираетъ прочь ¹⁾).

Сущность жизни выражается въ стремленіи cadaго живого существа сохранить отъ смерти себя и свой типъ, — *въ исканіи безсмертія*. Нигдѣ это не сказывается такъ наглядно, какъ въ любви, въ томъ эросѣ, коего элементарное проявленіе есть половое влеченіе: здѣсь земное существованіе достигаетъ высшаго своего расцвѣта. Чтобы увѣковѣчить свой типъ, человѣкъ, какъ и всякое живое существо, долженъ рождать другихъ. Но для этого нужно взаимное восполненіе двухъ половинокъ человѣческаго рода. „Совокупленіе мужчины и женщины есть актъ рожденія. Это—божественный актъ: зачатіе и рожденіе — осуществленіе безсмертія въ смертномъ существѣ“ ²⁾, приобщеніе міра тѣлеснаго, смертнаго къ безсмертію.

Отсюда—безграничная власть эроса надъ міромъ животнымъ. Все, что ходитъ по землѣ и летаетъ надъ нею, испытываетъ страшную силу влеченія, болѣетъ любовною страстью; животныя неудержимо стремятся къ совокупленію другъ съ другомъ; потомъ та же страсть переносится на ихъ порожденія: ради дѣтей слабѣйшія твари всегда готовы сражаться съ сильнѣйшими, не боятся смерти, голодаютъ, лишь бы имъ выкормить потомство ³⁾. Неудивительно, что все живое почитаетъ и цѣнитъ свои порожденія: безсмертія ради все это стремленіе и эросъ ⁴⁾.

Въ мірѣ человѣческомъ проявленія эроса сложнѣе и разнообразнѣе. Человѣкъ стремится не только къ тѣлесному, но и къ духовному рожденію ⁵⁾. Въ основѣ того и другого стремленія—одинъ и тотъ же эротическій корень, одно и то же влеченіе къ безсмертію. Оно сказывается не только въ человѣческихъ чувствахъ и страстяхъ, но и въ самыхъ

¹⁾ Convivium, 207, 208.

²⁾ Ibid., 206.

³⁾ Ibid., 207.

⁴⁾ Ibid., 208.

⁵⁾ Ibid., 206.

извращеніяхъ послѣднихъ. Намъ можетъ показаться безумною, напимѣрь, власть честолюбія надъ людьми, если мы не примемъ во вниманіе, съ какой силой они жаждутъ пріобрѣсти извѣстность, стяжать себѣ на вѣчныя времена *безсмертную славу*: ради этого они готовы подвергаться всякой опасности, тратить деньги, нести труды и умирать, еще болѣе, нежели ради дѣтей. Изъ того же источника происходитъ героизмъ, мужество. Не захотѣлъ бы Алкестъ умирать за Адмета, Ахиллъ—погибнуть, мстя за Патрокла, и Кодръ—принять смерть ради Аѳинянъ, если бы они не думали, что этотъ подвигъ увѣнчается *вѣчною памятію въ потомствѣ*. Чѣмъ лучше люди, тѣмъ больше они совершаютъ подвиговъ, ибо любятъ безсмертіе ¹⁾).

Тѣ, въ комъ преобладаетъ страсть къ тѣлесному рожденію, влекомы къ женщинамъ: они ищутъ безсмертія въ дѣторожденіи, въ томъ счастьи и памяти, которую они думаютъ этимъ стяжать себѣ на будущія времена. Тѣ же, кого влечетъ къ рожденію духовному, стремятся увѣковѣчить себя въ томъ, что подобаетъ рождать душѣ. Эти порожденія, соотвѣтствующія достоинству духа, суть мудрость и прочіе виды добродѣтели. Родители этихъ духовныхъ дѣтей—поэты и художники, изобрѣтатели, устроители государствъ и провозвѣстники правды на землѣ: „Божьи люди“, они отъ юныхъ лѣтъ чреваты мудростью: по достиженіи зрѣлаго возраста, они ищутъ прекраснаго, чтобы въ немъ рождать и творить: ибо творить въ безобразномъ для нихъ невозможно“.

Они испытываютъ влеченіе къ прекраснымъ тѣламъ и къ прекраснымъ душамъ. И, когда они находятъ предметъ своего исканія—людей, сочетающихъ въ себѣ ту и другую красоту, благородство, природныя дары,—та мудрость, которою они чреваты, рождается вовнѣ, изливается въ рѣчахъ о доблести, о достойномъ добраго мужа образѣ жизни. Находя сродныя имъ прекрасныя души, такіе люди рождаютъ

¹⁾ Ibid., 208.

въ нихъ прекрасное и прилѣпляются къ нимъ сильнѣе, крѣпче, нежели мужья къ женамъ: ибо они вмѣстѣ рожаютъ неумирающихъ дѣтей. И всякій долженъ былъ бы предпочитать имѣть *такихъ* дѣтей, нежели человѣчески рожденныхъ. Плотскіе родители забываются. Слава же великихъ поэтовъ и законодателей, творцовъ безсмертныхъ созданий, пребываетъ во вѣкъ: ради этихъ дѣтей имъ воздвигаютъ храмы, ради плотскихъ же никогда и никому¹⁾.

Въ своемъ исканіи безсмертія люди не всегда находятъ то, что служитъ предметомъ ихъ исканія. Отсюда—извращеніе чувства любви, обращеніе его къ недостойнымъ предметамъ. Есть двѣ Афродиты: одна—дочь неба—Урана, которая поэтоу называется *небесною*: другая же—дочь Зевеса и Діоны—именуется *вульгарною* (*παῖς ἄγρια*). Соотвѣтственно этимъ двумъ богинямъ любви есть два эроса — небесный и вульгарный. Люди, одержимые вульгарною любовью, любятъ тѣло болѣе, нежели душу и стремятся единственно къ удовлетворенію своей похоти. Напротивъ, любящіе любовью небесною, стремятся завязать прочную, духовную связь съ любимымъ предметомъ²⁾.

При различіи предметовъ любви и ея направленія, ея психическій корень—всегда одинъ и тотъ же. Всѣ люди ищутъ и любятъ красоту и благо; поэтоу эросъ можетъ бытъ опредѣленъ, какъ любовь къ красотѣ³⁾ или, что то же, какъ любовь къ благу⁴⁾. Но большинство заблуждается въ своемъ исканіи, прилѣпляясь къ подобію прекраснаго вмѣсто самого прекраснаго⁵⁾, находя *подобіе добра* вмѣсто самого добра.

Смыслъ любви, какъ и всего жизненнаго процесса — не въ томъ, что она находитъ, а въ томъ, что она ищетъ, въ самомъ предметѣ ея исканія. *Цѣль любви* (*τὸ τέλος τῆς ἐρωτικῆς*) — то, что воистиннѣ даетъ безсмертіе. Этой цѣлью, къ которой

¹⁾ Convivium, 209.

²⁾ Ibid., 180, 181.

³⁾ Ibid., 201.

⁴⁾ Ibid., 205—206.

⁵⁾ Ibid., 212.

направлены всѣ наши усилія, можетъ быть не какое-либо преходящее явленіе, а только вѣчно сушее, то, что не рождается и не умираетъ, не растетъ и не уменьшается. Это—не то, что въ одномъ отношеніи и въ опредѣленное время прекрасно, а съ другой стороны и въ другой моментъ — постыдно, хорошо для одного здѣсь, а дурно для другого тамъ ¹⁾). Выражаясь современнымъ языкомъ, цѣль любви по Платону — *безотносительно прекрасное и безотносительно доброе*. Это безусловно прекрасное не можетъ быть изображено, какъ какой-либо предметъ, напимѣръ лицо, руки или что-либо причастное тѣлу, ни какъ рѣчь, ни какъ знаніе, ни какъ опредѣленіе или свойство предмета, напимѣръ животного, земли, неба или чего-либо другого. Оно существуетъ само въ себѣ и чрезъ себя, всегда въ томъ же видѣ (*μοῦσιδὲς αἰὶ ὄν*). Все же прочее прекрасно лишь по приобщенію къ этому первоисточнику красоты: такъ что другіе прекрасные предметы возникаютъ и уничтожаются, этотъ же не возрастаетъ, не уменьшается и не подверженъ никакимъ аффектамъ ²⁾).

Во всѣхъ прекрасныхъ предметахъ проявляется *единая* красота, одна и та же сущность прекраснаго. Поэтому было бы безуміемъ прилѣпляться къ отдѣльнымъ ея проявленіямъ. Истинный путь любви заключается въ восхожденіи изъ ступени въ ступень, въ постепенномъ обобщеніи самага предмета любви. Сначала мы любимъ отдѣльное прекрасное тѣло; потомъ, постигая сродство красоты всѣхъ тѣлъ, начинаемъ любить всѣ прекрасныя формы; затѣмъ, мы научаемся выше цѣнить духовную красоту и, наконецъ, прилѣпляемся сердцемъ къ той единой, безотносительной красотѣ, которая проявляется во всемъ—и въ мірѣ духовномъ, и въ мірѣ тѣлесномъ. *Это—то, что дѣлаетъ жизнь цѣнною*, то самое, ради чего стоитъ жить. Эросъ достигаетъ вершины въ созерцаніи красоты чистой, непримѣсной, не загрязнен-

¹⁾ Ibid., 211.

²⁾ Ibid., 211.